

С. А. Бугославского, крайне упростившего историю текста «Повести временных лет» и оторвавшего эту историю текста от истории общей.

Метод Шахматова получил развитие главным образом в работах его последователя М. Д. Приселкова. М. Д. Приселков развил и продолжил тенденцию Шахматова к историческому подходу к летописанию. Это особенно касается его «Истории русского летописания XI–XV вв.», где создание каждого свода объяснено в тесной связи с исторической обстановкой своего времени. Усиlena в работах М. Д. Приселкова и историко-литературная сторона метода Шахматова, что в значительной степени нейтрализовало дробность наблюдений над текстом, неизбежно проистекающую из приемов подхода к летописи не как к органическому целому, а как к «своду». В работе М. Д. Приселкова «История русского летописания XI–XV вв.» рассеяны многочисленные, по большей части краткие, но очень веские замечания, касающиеся стиля, а иногда и языка тех или иных сводов.

М. Д. Приселков в своих работах по летописанию отступил, однако, от некоторых весьма важных принципов метода Шахматова. Выводы свои М. Д. Приселков обычно строит не на с плохом изучении текста в сех списков, а всегда на немногих отдельных наблюдениях. От этого происходит даже самая разница в объеме работ, обширных у Шахматова и сжатых, энергично насыщенных выводами у М. Д. Приселкова. Однако то, что можно было бы назвать большим объемом сознания Шахматова, постоянное привлечение им всех списков, всего текста, всех фактов для построения выводов, также не забылось. Эта сторона метода Шахматова была подхвачена в исследованиях А. Н. Насонова, выводы которого (хотя бы в отношении псковского летописания) строятся на привлечении всех списков и генеалогические построения которого опять-таки доводятся до всех списков.

Примат сознательных изменений текста над ненамеренными — механическими

Другой принцип, примененный А. А. Шахматовым и его последователями к изучению истории летописных текстов, — это принцип примата сознательных изменений текста над механическими. Исследователь текста во всех случаях должен в первую очередь искать сознательные причины изменения текста и только в случае невозможности более или менее достоверно объяснить изменения текста намерениями переписчиков и передельвателей останавливаться на объяснениях, допускающих простую его порчу. На первый взгляд такое предпочтение сознательного бессознательному может показаться произвольным, но на самом деле этот принцип является строго закономерным во всех случаях, когда мы имеем дело с письменным творчеством вообще и с творчеством летописца в особенности.

Искусствоведы, изучая произведения искусства, стремятся выяснить в них прежде всего сознательные намерения их творцов, отражение художественного метода, художественного стиля и т. д. Литературоведы также обращают внимание прежде всего на замысел автора, выясняют причины, побудившие автора создать произведение именно таким, каким оно вылилось из под его пера.

Всякое письменное произведение нуждается прежде всего в прочтении, в уяснении его смысла. То же самое можно сказать не только о самом произведении, но и о его вариантах, о тех изменениях, которые претерпел текст в результате его переписки. Эти варианты также нуждаются в прочтении. Иными словами, они нуждаются в том, чтобы в них прежде всего был обнаружен смысл, намерения их «авторов» — в большинстве случаев безвестных, но иногда весьма активных.

Казалось бы, такое естественное требование — читать не только текст, но и его изменения в различных списках — не нуждается в каких-либо обоснованиях, однако в текстологической практике дело обстояло как раз обратно: считалось, что изменения текста в последующих списках в основном являются плодом бессознательной порчи текста его переписчиками. В различных вариантах текста исследователи стремились выделить только один текст — первоначальный, который считали одновременно единственно осмысленным. Всем остальным вариантам (или разнотениям) текста не придавалось никакого значения.

Применительно к летописанию установление принципа примата сознательных изменений текста над несознательными (механическими) имело очень серьезное значение.

А. А. Шахматов исходил в своем изучении летописей из представлений о них, как о сводах разнообразного материала. Летописи, как это было особенно ярко раскрыто в работах П. М. Строева и К. Н. Бестужева-Рюмина, представляют собой соединение разнородных источников: предшествующих летописных сводов, литературных произведений, документов, отдельных летописных статей и т. д. Однако А. А. Шахматов опроверг установленный П. М. Строевым и К. Н. Бестужевым-Рюминым взгляд на летописный свод, как на механическое соединение разнообразного материала. А. А. Шахматов отказался видеть в летописном своде лишь случайный подбор материала и в подавляющем большинстве случаев предполагал в летописи наличие сознательной, продуманной работы летописца, подбиравшего свой материал под влиянием серьезных политических идей и создававшего своды, проникнутые внутренним идеяным единством, спаянные острой политической мыслью. Самые политические идеи, вложенные в летописные своды, А. А. Шахматов считал зависящими не от личного произвола летописцев, а тесными узами связанными с политическими концепциями отдельных феодальных центров, в которых эти своды создавались. Летописи могли создаваться при дворе того или иного князя, митрополита, епископа, игумена и т. д. Во всех этих случаях летопись отражала идеи той или иной ветви княжеского рода, того или иного княжества как такового, того

или иного церковного центра. Она создавалась в их интересах, проводила их точку зрения на русскую историю.

Эти наблюдения А. А. Шахматова были значительно расширены в советской науке о летописании. Были установлены посаднические летописи в Пскове, летописи уличанских церквей в Новгороде, летописи, отражавшие настроения и идеи тех или иных слоев населения. Были раскрыты случаи, когда летописец, выполняя официальный заказ, вносил в летопись свои собственные суждения, расходившиеся с точкой зрения заказчика. В летопись могла проникнуть народная оценка событий, элементы народных произведений и т. д.

Все это позволило широко изучать классовую сторону летописи, участие летописи в борьбе классов, во внутриклассовой политической борьбе.

Принцип примата сознательных изменений текста над механическими требует, чтобы, во-первых, исследователь-текстолог обращал внимание прежде всего на сознательные изменения, внесившиеся в текст древними книжниками, и, во-вторых, чтобы во всех изменениях текста он пытался установить эту сознательность, признавая изменения механическими только тогда, когда их не удается объяснить как сознательные. В самом деле, есть единственный способ доказать, что изменение произошло механически, т. е. бессознательно, — это показать в нем отсутствие сознательности. При разделении всех изменений текста на сознательные и механические текстолог и должен направить свои усилия на то, чтобы вскрыть по возможности во всех изменениях текста сознательную волю книжника. И только остающиеся необъяснимыми изменения текста могут быть отнесены к явлениям, возникшим механически, и классифицироваться как механические.

Совсем иной подход к тексту отразился в работах по древнейшему летописанию В. М. Истрина, опубликованных уже после смерти А. А. Шахматова: «Замечания о начале русского летописания»¹ и «Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники Начальной русской летописи»².

В. М. Истрин пытался возродить представления о летописце еще начала XIX в. и считал, что летописец «добру и злу внимает равнодушно» и механически записывает в летопись все, что попадает в круг его случайной осведомленности. Все противоречия в тексте, пропуски, изменения для В. М. Истрина, как и для М. П. Погодина или И. И. Срезневского, — результат случайных вариантов письменной или устной традиции. В. М. Истрин пишет: «Одни могли называть Олега князем, другие — воеводой Игоревым; одни передавали, что Олег умер в Ладоге, другие — в Киеве»³. От этих вари-

¹ Изв. ОРЯС, 1921, т. XXVI; 1922, т. XXVII.

² Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники Начальной русской летописи. — Byzantinoslavica, 1931, т. III, vol. 2; 1932, т. IV, vol. I.

³ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. I—IV. — Изв. ОРЯС, 1921, т. XXVI. С. 81.

антов устной традиции, происхождение которых никак не объясняется В. М. Истриным, произошли все различия в летописях. Ясно, что сравнительно с теми в высшей степени остроумными объяснениями этих различий, которые были предложены А. А. Шахматовым, объяснениями, подкрепляемыми многими и разнородными наблюдениями, предположения В. М. Истрина были значительным шагом назад. Текстологическое изучение летописи не могло развиваться по этому пути.

Признавая «случай» главным фактором какого бы то ни было развития, неизбежно следует отказаться от изучения этого развития, от всяких попыток открыть в нем закономерности. И история литературы, и историческая наука неизбежно приходят к антиисторизму, как только признают случайность главным фактором в движении литературных форм или в ходе развития истории.

Нет никаких оснований сомневаться, что случай играет в истории текста известную роль. Случайно в руках у переписчиков может оказаться тот или иной текст. Случайно в этом тексте могут оказаться те или иные дефекты. Случайно может пропасть тот или иной список. И так далее... Но задача ученого заключается в том, чтобы оставить на долю случая в научном рассмотрении возможно меньше места. Мы можем согласиться, что то или иное явление произошло случайно только тогда, когда полностью исчерпаны все другие возможности объяснения. С точки зрения методики научного исследования, случай — это тот остаток, который остается в результате всех попыток ученого объяснить то или иное явление. Случай лежит на самом дне научного построения, научного объяснения. И этот данный осадок не может не вызывать у ученого некоторого чувства досады. Мы знаем не только на примерах изучения истории того или иного произведения, что чем совершеннее исследование, тем меньше в исследуемом явлении осталось необъясненного, т. е. случайного.

Надо иметь в виду и еще одно обстоятельство: самое понятие случайного относительно. Допустим в рукописи оказался дефект. Безусловно, дефект этот случаен. Но случайно ли, например, что дефект этот оказался на последнем листе рукописи под крышкой нового переплета? Нет! Очевидно, что последний лист рукописи, если она находилась некоторое время без переплета, страдает больше всего. Допустим, что в руках у новгородского переписчика XV в. случайно оказался текст произведения, переписанный в Константинополе в XIV в. Признавая, что это было делом случая, мы не должны все же упускать из виду, что в XIV в. культурные отношения Новгорода и Константинополя были очень интенсивными и что в Константинополе в русской колонии был переписан целый ряд русских произведений, в том числе и таких, которые совсем исчезли на Руси в результате татаро-монгольского нашествия (например, Елинский и Римский летописец). Допустим, что первоначальная редакция «Повести о Николе Заразском» случайно исчезла. Но не означает ли все же эта случайность того, что списков этой первоначальной редакции было мало и они, следовательно, не очень интересовали переписчиков и читателей?

Как видим, случайность существует, но она относительна, ее доля мала. Научное объяснение теснит эту случайность. Замечу, кстати, и следующее. Чем более конкретным стремится быть научное объяснение, тем легче оно устраняет случайность. Чем больше мы проникаем в реальную обстановку переписки и редактирования рукописей, чем яснее нам удается увидеть живых людей со всеми их идеями, вкусами, жизненными волнениями и даже привычками, тем меньше остается на долю случайности. Механические приемы анализа текста не должны закрывать от нас конкретной жизни рукописей, а жизнь рукописей есть только частный случай жизни людей, которые имеют с ними дело. Жизнь текста произведений необыкновенно сложна и абсолютно конкретна, поэтому всякого рода «правила» выбора текста и определения «авторской воли» хороши только тогда, когда у нас нет путей приблизиться к этой жизни текста. Но они становятся очень вредны, когда начинают нам загораживать дорогу к восстановлению реальной истории текста. К сожалению, в текстологии часто механические способы выбора и установления текста, опирающиеся на представления о механичности изменения текста в результате бессознательных, случайных ошибок переписчиков, преобладали над исследованием истории текста.

Вернемся к вопросу о случайности в истории текста. Приведем пример объяснения случайностью и последующего объяснения этой «случайности» конкретными причинами.

Как известно, особое значение в наших представлениях о древнейшем русском летописании имеет открытый А. А. Шахматовым в начале Новгородской первой летописи младшего извода (а отсюда и в других новгородских летописях) свод более древний, чем «Повесть временных лет». Свод этот А. А. Шахматов назвал «Начальным» и отнес его составление к 1095 г. Утверждение, что в новгородских летописях был использован свод более древний, чем сама «Повесть временных лет», лежит в основе всей реконструкции А. А. Шахматовым древнейшего русского летописания. Оно-то именно и явилось его исходной точкой¹. Это открытие А. А. Шахматова — одно из самых замечательных в истории изучения русских летописей и пока что не вызывало развернутых, продуманных возражений.

Однако А. А. Шахматов допускал в вопросе о Начальном киевском своде целый ряд случайностей, отразившихся на судьбе этого свода. А. А. Шахматов определил, что Начальный свод был использован в Новгородской первой летописи младшего извода случайно и при том со случайными перерывами и

¹ См.: А. А. Шахматов. 1) О Начальном киевском летописном своде. — Чтения ОИДР, 1897, кн. 3; 2) Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись. — Изв. ОРЯС АН, 1908, т. XIII, кн. 1; 3) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, главы I и XV; 4) Повесть временных лет, т. 1. Пг., 1916; 5) Киевский начальный свод 1095 года. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 117—160. См. также: О. В. Творогов. Повесть временных лет и Начальный свод. (Текстологический комментарий). — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976. С. 3—26.

только до 1074 г. по случайной же дефектности «нашедшегося» в Новгороде экземпляра Начального свода. Первоначально А. А. Шахматов считал, что Начальный киевский свод был введен в Новгороде в первой четверти XIII в., когда был составлен из соединения новгородской владычной летописи и Начального свода Софийский временник¹ (название «Софийский временник», с точки зрения А. А. Шахматова, представляет собою переделку названия Начального свода — «Русский временник»). Позднее А. А. Шахматов пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что Начальный свод был привлечен к новгородскому летописанию в 1423 г.² Еще позднее А. А. Шахматов считал, что Начальный свод был использован в 1432 г.³ Наконец, в своей работе последних лет «Киевский начальный свод 1095 г.»⁴ А. А. Шахматов вернулся к некоторым из своих прежних выводов о времени использования в новгородском летописании Начального свода.

В противоположность другим своим выводам по истории русского летописания А. А. Шахматов выводы о времени и о причинах соединения Начального свода с новгородской летописью не обосновывает исторически. С точки зрения А. А. Шахматова, в Новгороде просто «нашелся» текст давно вышедшего из употребления Начального свода в случайно дефектном экземпляре⁵. Этот случайный текст и был случайное же (в начале XIII в. или в 1421 г., а может быть в 1424, 1432 или 1434 гг.) привлечен для обновления официальной, чрезвычайно важной в новгородской политической жизни владычной летописи.

В дальнейшем в результате анализа истории текста новгородских летописей в тесной связи с историей Новгорода все эти «случайности» оказались объясненными. Результаты этого анализа могут быть вкратце изложены следующим образом.

До 1117 г. в Новгороде княжил старший сын Владимира Мономаха Мстислав. После отъезда Мстислава из Новгорода в Киево-Печерском монастыре (а возможно, и в «княжом» Выдубецком) при участии какого-то из бывших с Мстиславом в Новгороде книжников в начале 1119 г., как предполагает А. А. Шахматов, составляется последняя, третья, редакция «Повести временных лет». Мстислава сменяет в Новгороде его сын Всеволод Мстиславич (1118–1136 гг.). Верный традициям дома Мономаха, Всеволод, внук Мономаха, оказывает в Новгороде особое покровительство летописанию.

¹ А. А. Шахматов. Хронология древнейших русских летописных сводов. — ЖМНП, 1897, апр. С. 463–482.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 380 и др.

³ В статье «Летописи» в т. 25 Нового энциклопедического словаря (см.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 366) и в кн.: Повесть временных лет, т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. XLIX.

⁴ А. А. Шахматов. 1864–1920. Сб. статей... С. 117–160.

⁵ Повесть временных лет, т. 1. С. XLIX.

Летопись своего отца Мстислава «Повесть временных лет» в третьей редакции, особенно внимательную к событиям новгородской жизни XII в., Всеволод соединяет в Новгороде с новгородской летописью, погодные записи которой начали составляться еще в XI в.

У нас нет данных для полного и точного представления об этом своде. Свод Всеволода подвергался в Новгороде суровой ревизии при епископе Нифонте в конце 30-х годов XII в., после которой в последующих летописных сводах от него сохранились лишь ничтожные остатки.

Тем не менее новгородское летописание последующих веков ясно обнаруживает в своем составе именно эту третью редакцию «Повести временных лет» в некоторых известиях 1107–1117 гг. Этот свод Всеволода составлен не ранее 1119 г. (год составления третьей редакции «Повести временных лет») и не позднее 1136 г. (под изгнания Всеволода и год составления, как мы увидим ниже, нового новгородского летописного свода, в который свод Всеволода вошел как составная часть). Точнее датировать свод Всеволода не удается, но ввиду того что после 1132 г. власть Всеволода в Новгороде чрезвычайно пошатнулась, можно думать, что свод этот составлен до 1132 г.

Судя по тому что в Новгороде в первой трети XII в. было довольно обычным привлекать для выполнения разного рода книжных предприятий киевлян, можно думать, что и третий летописный свод дома Мономаха — свод Всеволода Мстиславича Новгородского был выполнен киевлянином, сохранившим литературную манеру киевского летописания и отразившим новгородскую стилистическую манеру лишь в известиях, заимствованных из новгородских летописей XI в.

Дальнейшая летописная работа в Новгороде в чрезвычайно сильной степени зависит от политических событий новгородской жизни середины XII в. История Новгорода в XII в. чревата бурными социальными потрясениями, приведшими к установлению в 1136 г. нового республиканского строя, в общих чертах удержанвшегося до конца XV в. Социальное движение смердов, ремесленников и купцов в Новгороде завершилось в конечном счете своеобразной государственной организацией с олигархической купеческо-боярской верхушкой во главе. Князь теряет свои права, земельные владения и принужден удалиться сперва из Детинца, а затем и из пределов города на так называемое Городище, в двух «поприщах» от Новгорода. Новым хозяином Детинца становится новгородский епископ, к которому переходит и большинство земельных владений князя, превративших епископа в могущественнейшего феодала области.

Став во главе Новгородского государства, добившегося некоторой независимости от киевского князя, епископ всячески пытается сбросить с себя также зависимость и от киевского митрополита, стремясь к непосредственному (помимо митрополита) подчинению греческому патриарху. Как устанавливается в настоящее время, епископ Нифонт, принимавший активное участие в изгнании Всеволода и в установлении новых политических порядков в Новгороде, является первым новгородским архиепископом (а не архиепископ

Иоанн, как думали раньше). Именно Нионту принадлежит установление оригинальной системы выборов новгородских архиепископов, фактически устранившей киевского митрополита от участия в делах новгородской церкви.

Переворот 1136 г. и изгнание Всеволода вызвали в том же 1136 г. необходимость пересмотра летописного свода Всеволода. В 1136 г. доместик Антониева монастыря Кирик, один из приближенных Нионта, составляет работу по хронологии подсобного для ведения летописи характера: «Учение, им же ведати числа всех лет», и в том же 1136 г. принимает участие в летописании, составляя летописную статью 1136 г., в которой изображает прибытие в Новгород князя-изгоя Святослава Ольговича как наступление новой эры в политической жизни Новгорода.

Участие Кирика в новгородском летописании этим не ограничивается; следы работы Кирика видны в записи 1137 г., где даются определения времени по индиктам, как и в его работе «Учение, им же ведати числа всех лет» и в некоторых других годовых статьях, где Кирик обнаруживает интересы, общие с теми, которые были проявлены им в другой его работе — в известных, канонических «Вопрошаниях».

Из анализа текста Синодального списка Новгородской первой летописи, а также Новгородской первой летописи младшего извода и Новгородской четвертой вытекает, что одновременно с этим первоначальным вмешательством Кирика в новгородскую летопись был выполнен и широко задуманный пересмотр всего новгородского летописного свода изгнанного из Новгорода Всеволода по Киевскому начальному своду. Политический смысл этого пересмотра заключался в том, чтобы заменить в начале новгородского летописания Мономашью «Повесть временных лет» в третьей редакции оппозиционной по отношению к княжеской власти летописью Киево-Печерского монастыря — Начальным сводом 1095 г., который, таким образом, попал в начало новгородских летописей отнюдь не случайно.

Новый свод был задуман постриженником Киево-Печерского монастыря и главным участником антикняжеского переворота 1136 г. архиепископом Нионтом, знавшим политический антикняжеский характер пещерского Начального свода, знавшим, что Начальный свод использовал в своем составе новгородские летописи XI в. и что, следовательно, свод этот в некоторой мере отразил историю Новгорода XI в.

Как известно из работ А. А. Шахматова, оппозиционность Начального свода по отношению к княжеской власти получила яркое отражение в предисловии к нему, которое впоследствии при переработке состава Начального свода в недрах «Повести временных лет» было выброшено. В этом предисловии были высказаны по отношению к князьям резкие упреки в «несытстве», в алчности, в притеснении людей вирами, «продажами» и т. д. Упреки эти были как нельзя более своевременны в Новгороде в XII в., когда один за другим отбирались у новгородского князя его доходы, конфисковывались земли и урезывались права. Этому урезыванию княжеских прав и доходов предшествовала, очевидно, соответствующая пропаганда, для которой серьезный материал представляло предисловие Начального свода.

Назвав новый владычный свод «Софийским временником» в подражание названию Начального свода «Временник Русской земли» и увековечив, таким образом, в этом названии новый, недавно перешедший из владений князя во владение новгородского архиепископа центр политической жизни Новгорода — Софию, Нифонт сохранил в начале своего свода и киевское предисловие Начального свода. Таким образом, Начальный свод привлечен к новгородскому летописанию не случайно, а в связи с политическим переворотом 1136 г. и не потому, что в Новгороде случайно оказался экземпляр этого свода, а потому, что постриженнику Киево-Печерского монастыря архиепископу Нифонту, главному участнику антикняжеского переворота 1136 г., был хорошо известен печерский же Начальный свод и его политическое направление.

Предисловие Начального свода не дошло до нас в «Софийском временнике» в полном виде, это опять-таки далеко не случайно. Как можно видеть на основании сопоставления текста этого предисловия с заключительной частью Начального свода, в нем должны были находиться упреки князьям в междуусобицах и в недостаточно крепком отпоре степным кочевникам. Упреки эти чрезвычайно существенны для Начального свода. Текстологически пропуск этих упреков доказывается сопоставлением статьи 1093 г. Начального свода с повлиявшим на нее местом предисловия Начального свода. Пропуски эти в предисловии были сделаны на новгородской почве и отнюдь не случайно. Они были сделаны в процессе политического приспособления предисловия Начального свода к «Софийскому временнику». Необходимость этих пропусков диктовалась не только тем, что борьба со степью не имела для Новгорода существенного значения, но и тем еще, что Новгород ни в коей мере не был заинтересован в сильной княжеской власти, в чем как раз нуждался Киев. Оппозиционное отношение к княжеской власти в Новгороде в 30-х годах XII в. и в Киеве XI в. было принципиально различным. Киевское княжество нуждалось для своей защиты от напора степи в крепкой княжеской власти, способной организовать активную оборону. Упреки князьям в Начальном своде были упреками в слабости. Новгород был заинтересован как раз в обратном — в ослаблении зависимости от Киева. Отсюда ясно, почему предисловие «Софийского временника» сохранило в своем составе только то из предисловия Начального свода, что не противоречило в XII в. непосредственным интересам новгородцев и что было для них важным в их политической и социальной борьбе.

Небольшая вставка в начале предисловия — «прежде Новгородская волость и потомъ Кыевъская...» — предназначалась для смягчения слишком «киевского» характера предисловия, а кстати выражала и любимую мысль новгородцев времен независимости: «а Новгород Великий старейшинство иметь княжению во всей Русской земли» (Лаврентьевская летопись под 1206 г.).

Переработанное таким образом предисловие Начального свода открыло собой новый летописный новгородский свод Нифонта, сохранившись на челе летописания Новгорода в течение всего периода его независимости.

Как устанавливается анализом текста Синодального списка Новгородской первой летописи, переработка свода Всеволода по Начальному своду доведена до 1074 г. И это было не случайно. Причина этому заключается не в том, что в Новгороде случайно « нашелся » дефектный экземпляр Начального свода, обрывавшийся на этом году (как предполагал А. А. Шахматов), а в том, что на 1074 г. прекращались новгородские известия в Начальном своде и последний не мог уже служить основанием для реконструкции новгородского летописания. Начиная с этого года летописец Ницонта вынужден был обратиться к отвергнутому им первоначально своду Всеволода, в котором известия новгородской летописи XI в. были соединены с известиями «Повести временных лет» в третьей редакции. Воспользовавшись сводом Всеволода, новгородский летописец, однако, весьма основательно его скратил. Оттого новгородские известия этой поры отличаются той чрезмерной, пресловутой краткостью, которая приводила в недоумение изучавших новгородские летописи.

Таким образом, не только позднейшие новгородские летописи, восходящие к сводам Евфимия II второй трети XV в., обладали антикняжеским предисловием Начального свода, но и Синодальный список в своей утраченной части заключал в себе текст этого предисловия. Можно думать, что и потеря начала Синодального списка Новгородской первой летописи произошла также не случайно: кроме антикняжеского предисловия, в этой начальной части находились знаменитые Ярославовы грамоты и среди них «Краткая Правда» — письменные доказательства новгородской независимости. С присоединением Новгорода к Москве цензуревшие новгородское летописание московские книжники выдрали, по-видимому, из Синодального списка его крамольное начало.

Жестокое сокращение, которому подверглось в своде Ницонта предшествующее летописание Новгорода, явилось причиной того странного и, казалось бы, необъяснимого отсутствия в новгородском летописании многих новгородских сведений XI в., существование которых, тем не менее, известно из киевских летописных сводов XI в., где они нашли себе частичное отражение. Новгородские события XI в. лучше и полнее представлены в киевских летописях, чем в новгородских. Изложенные соображения подтверждаются изменением стиля новгородского летописания после 1136 г.¹ Подтверждены они были затем и исследованием «Краткой Правды»².

Итак, почти все то, что до недавнего времени в концепции А. А. Шахматова выступало как случайное, оказалось далеко не случайным. Полную картину новгородского летописания XII в. удалось восстановить не только благодаря

¹ Подробнее текстологический анализ и исторические соображения см.: Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — Исторические записки, № 25. М., 1948.

² А. А. Зимин. К истории текста краткой редакции Русской Правды. — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, т. 7. М., 1954.

сличению текстов новгородских летописей с древнейшими киевскими летописями, но главным образом потому, что к рассмотрению текстов были широко привлечены исторические факты, частично уже до того освещенные в работах Б. Д. Грекова¹, а частично впервые установленные специально в связи с текстологическими изысканиями. Пришлось также выйти за пределы летописания и привлечь другие сочинения Кирика, историю церкви, вопросы канонические, внимательно отнестись к изменениям в стиле летописания и т. д.

*

В связи со всем сказанным понятно, почему в исследовании текста летописей такое существенное место занимает логически-смысловый анализ. В этом логически-смысловом анализе легко могут быть допущены ошибки из-за чрезмерно большой требовательности к логичности содержания, однако только на том основании, что в применении какого-либо метода могут быть допущены ошибки, нельзя объявлять самый метод ошибочным. В некоторых случаях логически-смысловой анализ является единственным средством установить вставку в текст, разрыв изложения, соединение разных источников, переделку и т. д. (см. примеры обнаружения вставок в летописи выше, с. 197–210).

Вставки в текст «Повести временных лет» обнаруживаются, однако, не только анализом логики повествования, но они реально подтверждаются сличением списков и произведений. Шахматов отнюдь не ограничивается смысловым анализом текста.

Возьмем другой пример комплексности наблюдений Шахматова — его анализ рассказа о крещении Владимира, читающегося в «Повести временных лет». Путем логически-смылового анализа текста Шахматов выяснил, что в основе летописного рассказа лежат два слитых вместе рассказа о крещении Владимира: в одном говорилось о его крещении в Киеве в результате «испытания вер», а в другом о крещении его в Корсуне как условии женитьбы на сестре византийского императора. К тому же выводу Шахматов пришел и другим путем: отдельный рассказ о крещении в Корсуне Шахматов нашел в «Житии Владимира особого состава» в Плигинском сборнике, а рассказ о крещении в Киеве — в «Памяти и похвале князю русскому Володимеру» (в кратких извлечениях из какой-то древней летописи). Следовательно, Шахматов подвергает источник «перекрестному допросу» с разных сторон, разными методами и в результате получает наблюдения большой убеждающей силы.

Таким образом, наблюдения Шахматова очень сложны, «комплексны». К тексту он подходит с разных сторон: грамматически, исторически, логиче-

¹ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. — Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН, 1929, т. IV. — См. также соответствующие страницы в книге Б. Д. Грекова «Новгородский дом св. Софии» (Ч. I. СПб., 1914).

ки, путем сличения списков и т. д. Наблюдения Шахматова как раз и рождаются в результате сопоставления всех этих точек зрения. Текст летописей у Шахматова получает своеобразную «глубину», и эта «глубина» не всегда может быть воспринята «одним глазом». Только разные дополняющие друг друга точки зрения дают наблюдению необходимую стереоскопичность.

Собственно логически-смысловой анализ текста редко выступает у Шахматова в одиночку. Это только один из подходов к наблюдаемому месту текста, которое он как бы «засекает» на пересечении разных линий наблюдений: логически-смысловых, чисто текстологических, исторических и т. п.

Привлечение исторических данных

Привлечение исторических данных для анализа истории текста составляет очень важную черту в текстологическом изучении летописания. Привлечение исторических данных, умение соотносить данные истории текста с данными общеисторическими и объяснить ими изменения текста необходимы во всех случаях, но для истории летописания они имеют исключительную важность.

Особенно широко стал привлекать исторические данные к изучению истории текста летописания А. А. Шахматов, а вслед за ним — и в еще более широком масштабе — М. Д. Приселков, А. Н. Насонов и др.

Каждый из определенных А. А. Шахматовым древнейших сводов получил яркую характеристику в свете политической борьбы своего времени, причем эта политическая борьба всегда имеет у него свежую и оригинальную историческую трактовку. Состав и тенденции Древнейшего свода 1039 г. определились, как это раскрыто А. А. Шахматовым, политическими идеями борьбы за национальную русскую церковь. Свод 1039 г., возникший по инициативе митрополичьей кафедры, основанной в Киеве в 1038 г., пропагандировал идею превосходства христианской Руси над языческой и прославлял деятельность Ярослава.

В пещерских сводах 1073 и 1095 гг. отразилось политическое направление Киево-Печерского монастыря, оппозиционного по отношению к княжеской власти.

В своде 1073 г. А. А. Шахматов показывает отражение политических убеждений Никона Великого, дважды бежавшего в Тмуторокань от княжеского гнева. А. А. Шахматов вскрывает центральную идею свода 1073 г.: идею единства княжеского рода на основе старейшинства киевского князя среди братьев — русских князей.

В своде 1095 г. А. А. Шахматов вскрывает резкую критику социальной политики князей; показывает и внутреннюю подоплеку этой критики: вражду игумена Киево-Печерского монастыря Иоанна с князем Святополком Изяславичем.